Владиміръ Смоленскій

Закатъ

Парижъ 1931

Владимiръ Смоленскiй

ЗАКАТЪ

И-во Я. ПОВОЛОЦКIЙ и Ко.
Парижъ, 1931.

Какъ лебедь медленно скользящій
По зеркалу озерныхъ водъ,
Какъ соколъ, въ облакахъ парящій,
Мой призрачный, ненастоящій,
Мой выдуманный міръ плыветъ.

И на его спинѣ крылатой,
Въ томительномъ и сладкомъ снѣ,
Я медленно плыву куда-то,
Безъ сожалѣнья, безъ возврата
Въ прозрачной тая глубинѣ.

И голосъ вѣщій, голосъ сонный
Мечтающей души моей
Плыветъ надъ темнотой бездонной,
И гулкимъ эхомъ повторенный
Безслѣдно исчезаетъ въ ней.

1931.

МОСТЪ.

Подъ аркою желѣзною небесъ,
На пристани, гдѣ сваленъ мертвый лѣсъ,
Подъ аркою воздушною моста —
Безъ имени, безъ счастья, безъ креста.

Они похожи на больныхъ звѣрей,
Уснувшихъ въ теплой сырости камней,
Гранитною стѣной защищены
Отъ свѣта ледянящаго луны.

Въ высокихъ берегахъ течетъ рѣка,
Стремительна, мутна и глубока,
Вотъ, поднимаясь, заливаетъ мостъ,
Доплескиваетъ пѣною до звѣздъ.

По мутнымъ волнамъ въ небо уходя,
Качается гранитная ладья,
Несетъ волна, взбѣгая на волну,
Бродягъ и проститутокъ въ вышину.

Въ глубокихъ нишахъ спятъ, — къ спинѣ спина,
Имъ снится много мяса и вина,
Веселый праздникъ — лунный дискъ дрожитъ,
Пластинкой граммофонною кружитъ.

За стойкой улыбается патронъ,
Горячій кофе наливаетъ онъ,
Въ высокихъ залахъ, въ райской тишинѣ,
Тепло на бѣлоснѣжной простынѣ.

Течетъ рѣка въ небесные сады,
Покамѣстъ Ангелъ утренней звѣзды,
Чтобъ душамъ въ небесахъ не утонуть,
Большимъ крыломъ не перерѣжетъ путь.

Надъ міромъ поднимается разсвѣтъ,
На темныхъ лицахъ брезжитъ влажный слѣдъ,
Въ пустое небо поднимая пыль,
Промчался по мосту автомобиль.

1929.

Будутъ жить въ тѣснотѣ — тѣсной станетъ земля
как тюрьма,—
Будутъ знать, что ни Бога, ни ада, ни вѣчности нѣтъ,
Выше тучъ изъ бетона и стали построятъ дома,
И большой дирижабль долетитъ до прекрасныхъ пла-
нетъ.

И когда зазвенитъ надъ кружащимся міромъ труба,
И когда надъ землей небеса распахнутся какъ двери,
И погаснутъ огни, и откроются въ склепахъ гроба —
То никто ничего не пойметъ, и никто не повѣритъ...

1929.

Никогда я такъ жалокъ не былъ,
Такъ безсиленъ, смѣшенъ и нелѣпъ.
Мнѣ снилось черное небо,
Мнѣ снилось, что я ослѣпъ.

О, тяжесть слѣпой печали,
Память земного дня,
Невидимые — кричали,
Бѣжали мимо меня.

О, страшная смерть безъ тлѣнья,
Ненасытный червь темноты...
Я къ Богу взывалъ о спасеньи,
Но мнѣ отвѣчала ты.

Чѣмъ голосъ былъ глуше и тише,
Тѣмъ явственнѣй былъ отвѣтъ:
«Милый, я слышу, слышу,
Милый, спасенья нѣтъ!»

1929.

За ночами проходятъ дни,
Равнодушно гасятъ огни.

Проплываютъ за снами сны,
Одинаковы и черны.

Опускается ниже твердь.
Знаю, Господи, это — смерть.

Знаю, Господи, это Ты
Велъ меня путемъ нищеты,

Потушилъ вкругъ меня огни,
Сновидѣнья, ночи и дни,

Чтобы я въ непроглядной мглѣ,
На пустой, ледяной землѣ,

Обреченный, какъ всѣ, умереть
Ни о чемъ не могъ пожалѣть.

1929.

Безсильны мы, обречены судьбѣ,
Томимы страхомъ, нищетой и скукой,
Въ тоскѣ смертельной я пришелъ къ тебѣ —
И ты ко мнѣ протягиваешь руку.

Молчи. Не надо о любви. Къ чему?
Вѣдь не спасаетъ ни любовь, ни вѣра,
Тебя прижалъ я къ сердцу моему,
Какъ прижимаютъ дуло револьвера.

Съ тобою въ этомъ мірѣ мы одни,
И я забылъ твое лицо и имя,
Вотъ догорятъ послѣдніе огни,
И ты умрешь, и я погибну съ ними.

Не плачь. Молчи. Послѣдній свѣтъ погасъ.
Сейчасъ конецъ — пойми — сейчасъ надъ нами
Безсильно вздрогнетъ и угаснетъ пламя,
И тьма падетъ, и тьма поглотитъ насъ.

1929.

Закрой плотнѣе дверь, глаза закрой,
Забудь, что ты живешь, забудь, не думай,
Отгородись отъ неба слѣпотой
И глухотою отъ земного шума.

Не знай, что есть начало и конецъ —
И встанетъ новый міръ передъ глазами.
Такъ улыбается въ гробу мертвецъ
Видѣнію невидимому нами.

1930.

Какъ въ водахъ темнаго колодца,
Во мнѣ душа отражена,
Легчайшими крылами бьется
О гладь зеркальную она.

Сквозь толщу блѣднаго эфира
Доходятъ, слышныя едва,
Несуществующаго міра
Неясныя, какъ сонъ, слова.

И никогда не умирая,
Мѣняя только бытіе,
Кривится отраженьемъ рая
Сознанье темное мое.

Нѣтъ ничего, ни зла, ни блага,
Ни мудрости, ни правды нѣтъ, —
Зеркальная темнѣетъ влага,
Мерцаетъ отраженный свѣтъ.

1929.

Кануть годы въ вѣчность безъ слѣда,
Смолкнетъ голосъ, сердце прахомъ станетъ,
Но душа любить не перестанетъ,
Землю не забудетъ никогда.

Въ тишинѣ безсолнечныхъ высотъ,
Пролетая въ неземномъ предѣлѣ,
О тяжеломъ, о горячемъ тѣлѣ,
О дыханіи земномъ вздохнетъ.

Такъ, подъ звѣзднымъ, голубымъ шатромъ
Вспоминаетъ погорѣлецъ нищій
Тѣсное и темное жилище —
Молніей испепеленный домъ.

1929.

Какое дѣло мнѣ, что ты живешь.
Какое дѣло мнѣ, что ты умрешь.
И мнѣ тебя совсѣмъ не жаль — совсѣмъ!
Ты для меня невидимъ, глухъ и нѣмъ,
И какъ тебя зовутъ, и какъ ты жилъ
Не зналъ я никогда или забылъ,
И если мимо провезутъ твой гробъ,
Моя рука не перекреститъ лобъ.

Но страшно мнѣ подумать, что и я
Вотъ такъ же безразличенъ для тебя,
Что жизнь моя, и смерть моя, и сны
Тебѣ совсѣмъ не нужны и скучны,
Что я вездѣ — о, это видитъ Богъ! —
Такъ навсегда, такъ страшно одинокъ.

1930.

АНГЕЛЪ.

Бичемъ и крикомъ подгоняя,
Какъ нерадиваго раба,
Меня влечетъ моя слѣпая,
Жестокая моя судьба.

Въ такой тоскѣ, въ такой неволѣ
Какъ много надо силъ имѣть,
Чтобъ не сойти съ ума отъ боли,
Отъ бѣшенства не умереть.

Но въ темные часы безсилья
Прорѣжутъ тьму — въ который разъ! –
Мерцаніе легчайшихъ крыльевъ,
Сіяніе прозрачныхъ глазъ.

Какъ медленно я умираю....
Но вѣрю, что въ концѣ пути
Онъ пріоткроетъ двери рая,
Крыломъ поможетъ доползти.

1930.

Съ каждымъ годомъ бьется сердце глуше,
Съ каждымъ часомъ бьется сердце тише,
Какъ ни всматривайся, какъ ни слушай,
Не увидишь ты и не услышишь
Приближенья Смерти. И напрасны
Будутъ жалкія твои надежды
Сквозь еще не сомкнутыя вѣжды,
На одно мгновеніе, не ясно,
Хоть на долю малую мгновенья,
Темное лицо ея увидѣть.
Такъ ее любить и ненавидѣть,
Такъ желать ея прикосновенья,
Такъ бояться, и не мочь при встрѣчѣ,
Преодолѣвая страхъ и муку,
Видѣть убивающую руку.
Будетъ путь души высокъ и вѣченъ.
Но нигдѣ влача свое безсмертье,
Въ неподвижномъ, незакатномъ свѣтѣ,
Не увидишь, никогда не встрѣтишь,
Не узнаешь ничего о Смерти.

1930.

У насъ оледенѣла кровь
Отъ ожиданья и печали,
Свою умершую любовь
Мы въ страхѣ къ сердцу прижимали.

Мы думали, что оживетъ,
Мы вѣрили, что будетъ вѣчной...
Но время продолжало летъ,
Безсмысленный и безконечный.

И проходилъ за срокомъ срокъ,
И слѣпли темныя надежды,
И падали у нашихъ ногъ
Ея истлѣвшія одежды.

И открывалось намъ лицо,
И тлѣньемъ тронутое тѣло,
И обручальное кольцо
На пальцѣ высохшемъ темнѣло.

Но мы, превозмогая страхъ,
Ее, холодную, качая,
За тѣло принимаемъ прахъ
И вѣримъ, что она живая.

1930.

Себя спасти не можешь — даже ты —
Отъ одиночества и темноты.
Твои глаза — хоть нѣтъ свѣтлѣе глазъ —
Темнѣютъ каждый день и каждый часъ,
И все слабѣе слабая рука,
И все сильнѣе по ночамъ тоска.
У наглухо закрытаго окна
Стоишь ты, неподвижна и блѣдна,
Ты смотришь въ даль. И по твоимъ губамъ
Скользитъ улыбка. Что ты видишь тамъ,
За этой тишиной и темнотой?
Какою невозможною мечтой
Ты сердце ослабѣвшее пьянишь?
Какое ожиданіе таишь?
Какою радостью душа живетъ?

Такъ умирающій безсмертья ждетъ,
Такъ иногда слѣпому снится сонъ,
Что онъ прозрѣлъ, что солнце видитъ онъ,
И у него тогда — о, ложь и страхъ! —
Такая же улыбка на губахъ.

1930.

Окончено стихотворенье,
Душа пуста, душа легка,
Дрожитъ, отъ головокруженья,
Держащая перо рука.

Міръ призрачный и еле зримый,
Качаясь, въ темноту плыветъ,
Тяжелой, непоколебимой,
Земля изъ темноты встаетъ.

И только на листѣ бумаги
Неясный и невѣрный слѣдъ,
И капельки чернильной влаги
Небесный отражаютъ свѣтъ.

А сердце часто и устало
Стучитъ, какъ будто въ звѣздной мглѣ
И тѣло за душой бѣжало
По небесамъ, какъ по землѣ.

1930.

Все сжечь — стихи, любовь, надежды,
Все позабыть, все потерять,
На рубище смѣнить одежды,
Послѣднимъ изъ послѣднихъ стать.

И безпощадно и сурово
Отвергнуть счастіе свое,
Безъ Бога, безъ любви, безъ слова
Влачить земное бытіе.

И, можетъ быть, тогда, въ холодномъ,
Томительномъ и жалкомъ снѣ,
Надъ прокаженнымъ и голоднымъ,
Въ непостижимой вышинѣ,

Передъ ослѣпшими глазами
Вдругъ загорятся тьмы свѣтилъ,
И за сутулыми плечами
Почувствуется тяжесть крылъ.

И въ возданье за потери,
Которымъ не была числа,
Обрѣсть, какъ ангелы и звѣри,
Познаніе добра и зла.

1930.

Намъ снятся сны, но мы не вѣримъ имъ,
Не понимаемъ знаменье Господне,
Вчерашній сонъ развѣется, какъ дымъ,
Его не въ силахъ вспомнить мы сегодня.

Вотъ такъ и жизнь земную — въ смертный часъ
Мы, коченѣя на холодномъ ложѣ,
Смежая вѣки изумленныхъ глазъ —
Ни вспомнить, ни понять не сможемъ.

1930.

Не кляни ни людей, ни Бога,
Не плачь о счастьи земномъ,
Каждый вечеръ тайно и строго
О себѣ молись и о немъ.

Все отниметъ смерть и погубитъ,
Но любви не можетъ отнять.
Такъ — умершаго сына любитъ
Больше живого мать.

Пройдутъ за годами годы,
Неслышны, подобны сну,
Онъ встрѣтитъ тебя у входа,
Онъ помнитъ тебя одну.

1929.

Я не хочу поднять тяжелыхъ вѣкъ,
Тамъ тѣ же звѣзды, въ томъ жеململракѣ стынутъ.
Какъ одинокъ бываетъ человѣкъ,
Когда онъ Богомъ на землѣ покинутъ.

Какіе темные бываютъ дни,
Какія мертвыя бываютъ ночи...
Закрой лицо руками и усни,
Во снѣ мгновенья кажутся короче.

Ты, можетъ быть, увидишь райскій сонъ,
Ты даже Ангела увидѣть сможешь,
Крылами рукъ твоихъ коснется онъ,
И Божьимъ Ангеломъ ты станешь тоже.

И, можетъ быть, тогда забудешь ты,
Хотя-бъ на часъ, хотя-бы на мгновенье,
Свои земныя, темныя черты,
Свое земное, смертное томленье.

1930.

ГИБЕЛЬ.

Мнѣ снился сонъ — дрожала твердь
Отъ грохота и молній бѣлыхъ,
И въ ужасѣ металась Смерть
Въ еще невѣдомыхъ предѣлахъ.

И въ черной крови и въ огнѣ
Скакалъ, отъ ранъ изнемогая,
Святой Георгій на конѣ,
По тучамъ тяжко громыхая.

Архангелъ, крылья волоча,
Рубился, уступая силѣ,
И Божьи Ангелы, крича
Какъ ласточки въ грозу, носились.

И столбъ подземнаго огня
Вздымался, небо пожирая,
И поднялъ темный вихрь меня,
И бросилъ у преддверья рая.

И на предѣльной высотѣ,
У опустѣвшаго престола,
Въ сіяніи и красотѣ
Мерцающаго ореола,

Увидѣлъ я его, и мгла
Вставала за его плечами,
И по щекѣ его текла
Слеза, и дикими очами

Смотрѣлъ онъ съ высоты высотъ
На рай, потерянный навѣки,
И медленно смыкались вѣки,
И горько улыбался ротъ.

1930.

ДВА ВОСЬМИСТИШЬЯ.

I.

Моя высокая, моя звѣзда,
Едва замѣтная, горитъ въ ночи,
Дробясь, какъ синіе осколки льда,
На землю падаютъ ея лучи.

И отъ мерцающихъ лучей ея
На сердце призрачный ложится свѣтъ.
Во тьмѣ и въ вѣчности и ты и я,
И жизни не было, и смерти нѣтъ.

II.

Ни смерти, ни жизни, ни правды, ни лжи, ни людей.
Лишь сны въ поднебесьи, какъ стаи летятъ лебедей.

Летятъ въ безконечность, эфиромъ небеснымъ пыля,
Изъ пыли небесной, кружась, возникаетъ земля.

И быстрыя тѣни отъ крыльевъ ложатся во мглѣ
И тѣнью отъ тѣни живетъ человѣкъ на землѣ.

Лишь тѣнью отъ тѣни, эфирною пылью дыша,
Рождается, бьется и гибнетъ во мракѣ душа.

1930.

СЕРДЦЕ.

Все будетъ такъ, какъ я всегда хотѣлъ —
Въ ногахъ покровъ парчевый будетъ бѣлъ,
И будетъ лента вѣнчика бѣла
Вкругъ ледяного, темнаго чела.
Земной, привычный обликъ свой храня,
Три долгихъ, три неповторимыхъ дня
Лежать я буду на столѣ одинъ.
Торжественный, заупокойный чинъ
Священникъ будетъ истово свершать,
И будутъ молча вкругъ меня стоять
Мои друзья, враги, моя семья,
Всѣ, съ кѣмъ я жилъ и съ кѣмъ встрѣчался я,
И будетъ отъ прозрачной бѣлизны
Еще красивѣе лицо жены.
Все будетъ такъ, какъ я хотѣлъ всегда.

И только ты не сможешь никогда,
Въ отчаяньи послѣднемъ и тоскѣ,
Припасть къ моей, почти живой, рукѣ,
Къ моимъ уже не видящимъ глазамъ.
И даже въ широко открытый храмъ

Со всѣми не посмѣешь ты войти.
Меня подстерегая на пути,
Зажавъ рукою пересохшій ротъ,
Увидишь ты, какъ медленно плыветъ
Высокій гробъ, въ туманѣ, безъ слѣда...
И сердце мертвое мое тогда
Отъ жалости смертельной вздрогнетъ вдругъ,
И ты услышишь еле слышный стукъ,
Такой знакомый, сердца моего.

Но люди не услышатъ ничего.

1930.

Какое тамъ искусство можетъ быть,
Когда такъ холодно и страшно жить.

Какіе тамъ стихи — къ чему они,
Когда, какъ свѣчи, потухаютъ дни.

Когда за окнами и въ сердцѣ тьма,
Когда ночами я схожу съ ума

Отъ этой непроглядной темноты,
Отъ этой недоступной высоты.

Вотъ я встаю и подхожу къ окну,
Смотрю на садъ, на темную луну,

На звѣзды, стынущія въ вышинѣ,
На этотъ міръ, уже ненужный мнѣ.

Прислушиваюсь къ шопоту часовъ,
Прислушиваюсь къ шороху шаговъ.

Какое тамъ безсмертіе — пуста
Надъ міромъ ледяная высота.

1930.

МУЗА.

**Онъ тяжко клонится къ столу,
Черниломъ бѣлый листъ марая,
А Муза плѣнная, въ углу,
Объ отнятомъ тоскуетъ раѣ.**

**Ложится за строкой строка,
Глухіе отражая звуки,
До боли, потная рука
Сжимаетъ маленькія руки.**

**И нелюбимый, можетъ быть,
Терпѣньемъ и трудомъ съумѣетъ
Любимую къ любви склонить,
Любимую назвать своею.**

**Но лживымъ будетъ торжество,
Когда она, въ изнеможеньи,
Коснется жадныхъ губъ его
Съ покорностью и отвращеньемъ.**

1931.

Другъ не бойся — не страшенъ страхъ,
Мы съ тобой на землѣ одни.
Потухаетъ любовь въ сердцахъ,
Потухаютъ въ окнѣ огни.

Все исчезнетъ какъ дымъ, какъ сонъ,
Даже съ камней сотрется слѣдъ
Этихъ темныхъ и злыхъ временъ,
Этихъ страшныхъ и долгихъ лѣтъ.

Все исчезнетъ какъ сонъ, какъ дымъ,
Горстью пепла ляжетъ во мглѣ
То, что было сердцемъ моимъ,
То, что я любилъ на землѣ.

Другъ, не бойся — спасенья нѣтъ.
Сердце къ сердцу, въ послѣдній разъ.
Звѣздный, холодный свѣтъ
Изъ мертвыхъ струится глазъ.

1930.

ЗАКАТЪ.

Пожаромъ дымнымъ наши дни горятъ,
Горячій пепелъ вѣтеръ развѣваетъ.
Прекрасный и торжественный закатъ,
Какъ Ангелъ, надъ землею пролетаетъ.

И полумертваго лица земли
Касаются его большія крылья,
Они въ росѣ вечерней и въ пыли,
Они дрожатъ отъ страшнаго усилья.

И по его слѣдамъ восходитъ ночь,
Восходитъ въ вѣчномъ снѣ и въ вѣчной славѣ,
Она одна сумѣетъ всѣмъ помочь,
Она одна сумѣетъ все исправить.

1930.

Моя любовь — ты какъ легчайшій сонъ,
Который умирающему снится.
Я знаю, безъ слѣда исчезнетъ онъ
И больше никогда не повторится.

Я знаю, что любовь... Но все равно,
Я слишкомъ много знаю, слишкомъ много.
За свѣтъ свѣчи, когда кругомъ темно,
Благодарить я долженъ Бога.

За слабое тепло, за слабый свѣтъ,
Хотя-бы призрачный, хотя-бы ложный,
Котораго и не было, и нѣтъ,
Который лишь во снѣ увидѣть можно,

Благодарить я долженъ Бога. Есть
Вокругъ меня, въ ночи безъ сна и свѣта,
Есть люди на землѣ — о, ихъ не счесть! —
Которымъ не было дано и это.

1931.

Ты сказала мнѣ: «мы сильны,
А любовь сильнѣе всего,
Къ намъ навстрѣчу летятъ съ вышины
Безсмертье и торжество!»

Двѣ руки твои — два крыла —
Поднимаешь ты въ высоту.
Такъ судьба Икара несла
И поддерживала на лету,

Передъ тѣмъ, какъ засыпать ротъ
Придорожнымъ, сухимъ пескомъ,
Передъ тѣмъ, какъ земной полетъ
Небеснымъ спалить огнемъ.

1931.

ДВА ВОСЬМИСТИШЬЯ.

I.

Зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ всегда со мной,
Зачѣмъ тревожишь мой прекрасный сонъ.
Я зачарованъ вѣчной тишиной,
Я надъ небесной глубиной склоненъ.

О, если-бъ знала ты, что тамъ на днѣ,
О, если-бъ ты могла туда взглянуть...
Уйди, уйди, чтобъ было легче мнѣ
Въ небесную пучину соскользнуть.

II.

Не уходи, не уходи, —
Мнѣ холодно — со мной побудь,
Скрестились руки на груди,
Я ихъ не въ силахъ разомкнуть,

Я глазъ не въ силахъ пріоткрыть,
Мнѣ холодно и мнѣ темно.
Не можетъ быть, не можетъ быть,
Чтобъ это было дно.....

1931.

Я знаю, что любовь сильна,
Я вѣрю, что любовь спасетъ.
Но руки холодны какъ ледъ,
А ночь длинна, а ночь темна...

И все темнѣе, все нѣжнѣй,
И все труднѣе видѣть мнѣ
Сіянье ледяныхъ очей,
Горящихъ въ черной вышинѣ.

И слабый голосъ все нѣжнѣй,
Все глуше, дальше, выше онъ.
Во тьмѣ, надъ головой моей,
Смертельный пролетаетъ сонъ.

Онъ падаетъ ко мнѣ на грудь,
Тяжелый, черный и нѣмой,
Холодная, ночная муть,
Какъ крылья за его спиной.

Я знаю, что любовь сильна,
Я вѣрю, что любовь спасетъ,
Но руки холодны, какъ ледъ,
А ночь длинна, а ночь темна...

1931.

Не надо ни безсмертія, ни чуда —
Холодный воздухъ чистъ, и въ вышинѣ
Ты ласточкой летаешь бѣлогрудой,
Ты камнемъ па́даешь на сердце мнѣ.

И слабымъ крикомъ, жалобнымъ и страстнымъ,
Небесную тревожа тишину,
Ты кружишься въ закатѣ темно-красномъ,
Крылами разсѣкая вышину.

Такъ, раздѣленные тщетой земною,
Судьбѣ, пространству, людямъ вопреки,
Въ вечерній часъ, на берегу рѣки —
Встрѣчаемся, любимая, съ тобою.

1931.

Ты уходишь отъ меня, уходишь...
Ни окликнуть, ни остановить,
И не разлюбить, и не убить...
Ты уходишь отъ меня, уходишь.

Удаляющіеся шаги,
Звѣздный свѣтъ за узкими плечами...
Слушай, слушай, въ тишинѣ, ночами,
Удаляющіеся шаги.

1931.

Какъ крылья Ангела — любовь моя.
Небесная невыносимая тяжесть
Для слабыхъ плечъ. Изъ мрака бытія,
Гдѣ Смерть у выхода стоитъ на стражѣ,

Не улетѣть. Отъ праха, отъ земли
Не оторвать тяжелыхъ ногъ. Сгибаясь,
Влачу любовь по камнямъ. Свѣтъ вдали
Плыветъ во тьму, дрожа и погибая.

Все глубже, все невѣрнѣй слѣдъ ноги.
Вотъ упаду, крыломъ закроюсь бѣлымъ,
И будутъ въ страхѣ замедлять шаги
Прохожіе надъ распростертымъ тѣломъ.

И скажутъ: «Никогда не знали мы,
Не видѣли и въ книгахъ не читали,
Чтобъ Ангелы изъ райской тьмы
На землю умирать слетали!»

1931.

Это очень хорошо, когда
Жизнь течетъ, какъ черная вода,
Мимо темныхъ и пустынныхъ странъ,
Въ темный и безвѣстный океанъ.

Это очень хорошо — повѣрь —
Если за тобой закроютъ дверь,
Дверь запрутъ на ключъ, припрутъ болтомъ,
Ключъ въ колодецъ выбросятъ потомъ.

Очень хорошо идти ко дну,
Жить десятилѣтія въ плѣну,
Ничего не мочь и не хотѣть,
Ничего не знать и не умѣть.

Вѣдь въ года или минуты тѣ
Ты увидишь въ ясной темнотѣ,
Какъ свѣтла, какъ дивно хороша
Одинокая твоя душа.

1931.

Звѣзда съ небесныхъ падаетъ вершинъ..
Ты видишь, звѣзды погибаютъ тоже.
Какъ ни живи, какъ ни гори — одинъ
Конецъ всему. Но развѣ сердце можетъ

Понять, повѣрить, что когда нибудь,
Быть можетъ, черезъ нѣсколько мгновеній,
Оно сорвется въ ледяную муть,
Какъ та звѣзда. И летъ уничтоженья,

Стремительный, молніеносный летъ,
Уже ничья рука не остановитъ,
И алый слѣдъ живой, горячей крови,
Какъ слѣдъ звѣзды во mракѣ пропадетъ.

1931.

Плыветъ луна въ серебряномъ огнѣ,
Плыветъ душа, качаясь въ звѣздной пыли,
И далеко внизу — на самомъ днѣ —
Шумитъ толпа, гудятъ автомобили.

Земное утверждая бытіе,
Ребенокъ плачетъ и стучитъ рабочій.
Плыветъ душа по волнамъ вѣчной ночи
Въ послѣднее пристанище свое.

...На ледяной постели, у окна,
Спитъ человѣкъ, скрестивъ на сердцѣ руки,
Въ его глазахъ, открытыхъ въ смертной мукѣ,
Безсмертіе, усталость, тишина.

1931.

Все медленнѣе бьется сердце. Ночь.
Пока ты можешь жить, пока ты живъ — живи.
Тебя нельзя спасти, тебѣ нельзя помочь.
Друзья... но нѣтъ друзей, любовь... но нѣтъ любви.

Есть только одиночество и сонъ,
И тяжесть въ холодѣющей крови,
И дальнихъ звѣздъ въ ночи чуть слышный звонъ.
Покамѣсть ты не глухъ, покамѣсть слышенъ онъ —
Живи.

1931.

Звѣзды, одиночество, стихи,
Ангелы, безсмертіе, усталость...
Сердцемъ легкимъ и безплотнымъ стало,
Стали дни безстрастны и тихи.

На высокомъ, звѣздномъ берегу
Кончились юдольныя скитанья.
Самъ себя коснуться не могу,
Словно я живу въ воспоминаньи.

Словно гдѣ-то, много лѣтъ назадъ,
Медленно сгорая въ звѣздномъ свѣтѣ,
Шелестѣлъ листами этотъ садъ
И заламывались руки эти.

Словно въ свѣтѣ призрачныхъ огней,
Надъ землей клонясь въ изнеможеньи,
Ты, моя любовь — среди тѣней
Ангельскою пролетаешь тѣнью.

1931.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Imp. de Navarre, 5, r. des Gobelins, Paris (XIIIe)